

Т.Я. Орлова

**Михаил Бакунин в художественной интерпретации
М. Алданова и Р. Гуля**

Аннотация: Статья посвящена романам Алданова («Истоки») и Гуля («Скиф: (Бакунин и Николай I)») и анализу интерпретации двумя писателями такой противоречивой исторической фигуры, как Михаил Бакунин. Определено общее и различия в их трактовках, прежде всего то, что в произведениях обоих авторов подход к изображению Бакунина, в главном, одинаков: личность его трактуется с нравственных и идеологических позиций. Выявлены параллели, которые авторы проводят, сопоставляя историю и современность.

Ключевые слова: Алданов, Гуль, Бакунин, Николай I, Блок, биография, революция, анархизм, художественные средства, исторические портреты, Россия и Европа, история и современность

Abstract: The article is devoted to the interpretation of such a contradictory historical figure as Bakunin in Aldanov's novel («The Sources») and Gul's novel («Skiff: (Bakunin and Nicholas I)'). The general and differences in their conceptions are defined, and first of all similarity in the creation of Bakunin's character: this personality is viewed in the context of moral principles and ideology. The parallels uncovered by both authors during the comparison of history and modernity are recognized.

Key words: Aldanov, Gul', Bakunin, Nicolas I, biography, revolution, anarchism, historical portrets, Russia and Europe, history and modernity

К характеру Михаила Александровича Бакунина М. Алданов обращается в романе «Истоки», почти через двадцать лет после первой редакции (1931) романа Р. Гуля «Скиф: (Бакунин и Николай I)». Подробности биографии героя Алданов сообщает вскользь, сосредоточив внимание на его взглядах и нравственных убеждениях. Обозревая историческую реальность, сложившуюся к 1870-м гг., Алданов стремится понять и показать истоки современной ему революционной действительности в России, ее влияние на жизнь в странах Западной Европы. Он уделяет основное внимание народничеству в России, но также пишет и о росте революционных настроений в Европе, об

анархистском движении, разбойничья стихия которого уходит корнями в русскую историю кровавых бунтов.

В произведении Алданова главы о Бакуanine очень небольшие. Общение между анархистом и одним из главных героев романа художником Мамонтовым происходит всего несколько часов и ограничено местом – гостиницей городка Локарно в Швейцарии. Это своеобразный рассказ, имеющий начало и завершение сюжетного действия. Связь с романным пространством происходит на идейно-проблемном уровне, исходя из авторского замысла охарактеризовать наиболее злободневные политические течения того времени. При этом важным аспектом проблематики является задача писателя соотнести революционные программы разных партий, выявить их сходства и различия.

И хотя прямых сюжетных отношений Бакунина с другими революционерами Алданов не выстраивает, он сравнивает их идейные убеждения. Таким образом, характер Бакунина приобретает в романе художественную значимость, выходя за рамки глав-эпизодов с его участием. Формально-композиционным связующим звеном выступает художник Мамонтов, который уезжает в Европу за новыми впечатлениями и в надежде встретиться с известными политическими лидерами – Марксом и Бакуниным.

Арсенал художественных средств, используемых писателем для создания характера Бакунина, нельзя назвать очень богатым. Объяснить это можно тем, что герой, как было сказано, появляется в романе один раз, и Алданову важно было показать его в уже пожилом возрасте, проследить ход его мыслей, оценить, насколько были актуальны в 1870-е гг. анархические настроения. Но нужно заметить также, что особой новизны в обрисовке облика героя в романе нет. Фактически писатель идет вслед за Р. Гулем, создавшим художественный образ Бакунина-скифа и ставший для Алданова своеобразным литературным примером.

Писатель проявляет искренний интерес к Бакунину – к его внешности, голосу, речам. Его «доверенный» герой Мамонтов видит «бородатого великана» (4, 450) [1], замечает, что «все в нем было нечеловечески-огромно: рост, голова, лоб, черты лица, руки, ноги. Лицо у него было необыкновенно широкое, обрюзглое, густо обросшее седоватыми волосами... да, именно лев!» (4, 455). Последние слова Алданова свидетельствуют о его знакомстве с описанием Бакунина Р. Гулем и о том, что он обращается к этому описанию как к своеобразному первоисточнику: «Атлет с Петра Великого... что-то львообразное и вместе детское» (463) [2]. Алданов еще раз подчеркивает нечто богатырское в фигуре «старика» Бакунина.

Этот «старик» «довольно сильно пришепetyвал, по-видимому, по недостатку зубов» (4, 450), но был еще силен духом: «В каждом его звуке, в жестах, в необыкновенной внушительности речи чувствовался замечательный оратор» (4, 451). Бакунин много и экспрессивно говорит, пропагандируя свои идеалы среди итальянских, французских, испанских рабочих. Авторитет его

был так высок, что порой перерастал в поклонение: «...юноша выбежал вперед, оттолкнул кого-то, вцепился в руку Бакунину и поцеловал ее» (4, 454).

И Р. Гуль, и Алданов не обходят вниманием поведение Бакунина в быту. Молодой Бакунин, каким он изображен в романе «Скиф», любил вино, поест, причем в таком количестве, которое вызывало ужас у европейцев, заводил любовные отношения (автор называет Полудинскую, Воейкову, Александру Беер). Шестидесятилетний Бакунин практически не изменил своим привычкам. Заказанный в номер обед изумляет Мамонтова количеством: «Николай Сергеевич ахнул, увидев гору облитых томатовым соусом макарон» (4,463). Но для Бакунина – это то, что нужно: «Что, много? Ты, брат, съешь разве одну четверть, а три четверти я беру на себя» (4, 463). И «нечеловеческая порция макарон» (там же), и шампанское, и сваренная собственноручно жженка – все это привычная норма для Бакунина. И с женщинами он приветлив: «Он ласково улыбнулся горничной и дружелюбно с ней поговорил, знал и как ее зовут, и кто ее родители... Девушка радостно вспыхнула» (4, 462).

Стареющий анархист довольствуется малым, рад тому, что у него есть десять франков, и даже готов поделиться ими с Мамонтовым, приняв его поначалу за бедного «компатриота». Впрочем, ни сытость, ни размеренность существования, ни семейные и любовные узы никогда не были морально-нравственным мерилом в жизни неистового бунтаря. Эту сторону характера Бакунина отметил Гуль. В ответ на ревнивые упреки и любовные признания Полудинской Бакунин произносит: «Свобода! Вот главная потребность человека!.. Я за эту свободу отдам всю жизнь (461); «Высшее счастье человека – деятельность, а не любовь» (482).

Алданов изображает Бакунина еще достаточно энергичным, но теперь этот некогда подвижный, активный человек большей частью агитирует в книгах об анархистских идеях, уверенный в том, что именно они укажут новый и единственный путь России.

Боевое революционное прошлое Михаила Бакунина воплощает Р. Гуль, описывая 1830–1850-е гг. Произведения Гуля и Алданова как две части, по своему трактующие его жизнь и судьбу. Сравнение, сопоставление их способствует более полному представлению о всемирно известном анархисте. Понимание истоков не растрченного революционного задора «старика» Бакунина находим в романе Гуля, где он изображен как скиф, воплощение физической и духовной мощи. Такое осмысление характера Бакунина проясняет один из двух эпиграфов к роману. Первый – отрывок из «Скифов» А. Блока. Лирические строки указывают на смысловые аспекты романного повествования – на силу и страсть разрушителей старого мира, на противостояние России – сфинкса и «Европы пригожей», которой Россия сулит «мирные объятия». Многие лирические положения стихотворения освещают фигуру Бакунина, бунтаря, революционера, русского человека. «Скифом» –

за неумную энергию, силу – называет Бакунина один из персонажей романа немецкий поэт Г. Гервег, а композитор Вагнер – «скифом в Европе».

Европейские передвижения бунтаря-анархиста, как показывает Гуль, стремительны и связаны с революциями в разных городах и странах (Берлин, Дрезден, Швейцария, Бельгия, Прага, Франция, Познань, Бреславль и т. д.). Но сами события, имеющие хроникальную основу, в произведении сюжетной линией не связаны. Их объединяет главный персонаж, на мировоззрении которого сосредоточено внимание автора. Нужно заметить, что при таком способе расположения литературного материала романное действие очень замедлено, а сама фигура главного героя постепенно приобретает схематический характер.

Внутренний художественный мир романа воспроизводит данное историческое время через преимущественное изображение двух исторических лиц – Николая I и революционера Бакунина. Автор выстраивает между этими основными героями психологические, политико-идеологические, нравственно-философские отношения. При этом отношения персонажей заочные: они действуют каждый в своем литературном пространстве, построенном на хроникально-документальной основе. Но и при отсутствии личных контактов складывается их непримиримое противостояние. Бакунин выступает против диктаторской политики России, по его мнению, русский император – «угнетатель, раб, враг, палач стольких жертв» (477). Николай расценивает как прямой вызов себе, а значит, России, неисполнение отставным прапорщиком артиллерии приказа о возвращении. Он вспоминает, что «капитан Бакунин (имеется в виду Илья Бакунин, ставший генерал-майором. – *Т. О.*), дал первый залп из пушки 14 декабря по преступной сволочи! А этот революционером стал, достойным уже сейчас виселицы» (469).

Но, конечно, помимо этих двух героев в романе присутствует, действует или упоминается еще множество других персонажей, как исторических, так и сугубо литературных, задача которых вступить в разговор, диалог с Бакуниным, выявляя тем самым его идеологию. По такому же своеобразному диалогическому принципу построены и главы о Бакунине в романе Алданова, но собеседником Бакунина выступает только один герой – Мамонтов, не изоциренный в нюансах политической борьбы, обычный русский интеллигент, приехавший в Европу «научиться уму-разуму» (4, 468). Он слушает и оценивает рассуждения Бакунина о разных идейных течениях. Анархист сам в своих длительных монологах спорит со своими противниками, вступает с ними (на расстоянии, заочно) в политический диалог-полемику.

Гуль, описывая время, когда стали возникать разные политические партии, выделяет среди них коммунистов. Конечно, в силу известных причин, писателю остро необходимо было в критическом свете показать основные коммунистические идеи.

Коммунист портной Вейтлинг, деятель рабочего движения, с пафосом провозглашает, что после их победы «каждому будет гарантировано полное наслаждение своей личной свободой. Этот же мир подлежит разрушению. В нем хаос и насилие» (465).

Бакунин, сам выступающий за разгромный характер революций, но ненавидящий коммунизм, произносит то, что думает и автор: «Вы правы, только пока вы боретесь. Коммунистическое общество, преследующее исключительно материальные интересы, неизбежно задавит все то духовное, что растет только на свободе отдельных личностей... В устроенном по вашему плану государстве у меня нет охоты жить, так же как в царстве царя Николая (467).

Алданов также не обходит вниманием мировоззрение коммунистов и отношение к ним анархиста двадцать лет спустя. Бакунин был радостно удивлен, узнав, что Мамонтов внук крепостного: «Нет, это отлично. От этого легче революционное сознание. Мне надоели даже лучшие буржуа. Способные к жизни и к смелому знанию теперь только внизу: работники... В этом проклятый Маркс прав» (4, 457). Бакунин ненавидит Маркса, считая, что «душа у него маленькая», (4, 460), но «он умница, у него замечательная голова» (4, 459).

Об Энгельсе отзывается довольно пренебрежительно, замечая, что в нем одно хорошо – «Маркса он точно любит и почитает. Кормит его и поит, и даже, кажется, этим не попрекает» (4, 461). Маркса и его «шайку» Бакунин подозревает в националистических настроениях. Они, по его мнению, прежде всего думают о своем «проклятом фатерланде» (4, 460). Маркс, полагает он, хотел поражения Франции «ради гегемонии его немецкого племени» (4, 460), а если Бисмарк объявит войну России, будет молиться о победе Бисмарка.

Алданов довольно подробно останавливается на анархистской программе, которую Бакунин изложил в книгах «Государственность и анархия» и «Лионская программа». Герой «в двух словах», а на самом деле в длинном монологе пересказывает ее тезисы: «Наша цель – разрушение всех государств, уничтожение буржуазной цивилизации, вольная организация снизу вверх... освобождение всего человечества... Правительственная и административная машина отменяется. Народ берет всю власть в свои руки» (4, 468). Художник Мамонтов задается недоуменным вопросом: «А чем вы отличаетесь от марксистов?» (4, 468). Ответ Бакунина звучит не очень убедительно, его критика в адрес коммунистов довольно поверхностная, агитационная.

«Для Маркса моя программа, как все мое, что ладан для черта. А какая его собственная программа, этого никто... не знает. У Маркса есть все пункты моей программы. Маркс признает и вооруженное восстание. Разумеется, в свое время. Единственное, чего он не хочет, это чтоб вооруженное восстание произошло в его время. Потому ему, видишь ли, надо работать в Британском

музее и единственное, что он в жизни любит, это его теория и работа над ней» (4, 469). Алданову и его герою становится очевидным, что ничего диаметрально разного в идейных планах анархистов и марксистов нет. Более того, Бакунин признает и факт создания коммунистического общества после вооруженного восстания, против которого в молодые годы был категорически против.

Некоторые положения бакунистов пересекаются с идеями русских народолюбцев. Например, лидер анархистского движения прямо говорит, что «в момент переворота всех их перережем» (4, 467). На вопрос Мамонтова, кого их, и царя Александра Николаевича? Бакунин отвечает: «Его, разумеется, первым» (4, 467). Что и сделали народолюбцы, несколько раз покушавшиеся на императора и в конце концов убившие его.

Отношение Алданова к анархисту-революционеру не лишено иронии. Он с усмешкой пишет, что Бакунин с легкостью принимает почти незнакомого человека в братство – Международное товарищество рабочих, что на вилле, где он живет, роют подземный ход, чтобы подойти к озеру под землей. Это для того, поясняет тот, чтобы тайно переправлять оружие в Италию и, при необходимости, скрыться от полиции и убежать из Швейцарии. На вопрос, куда можно бежать из «самой свободной страны Европы», Бакунин беспечно и даже бездумно отвечает: «Найдем, куда бежать» (4, 472).

Анархическое движение, считает Алданов, утрачивает в той общественной ситуации свои позиции, в ораторских речах Бакунина много призывов, но смысл их нередко не улавливается публикой.

Слушая выступление Бакунина перед рабочими, мастеровыми разных наций, Мамонтов «понимал очень плохо» (4, 451). Формально – из-за плохого знания итальянского и испанского языков, но фактически – не желая принимать того, что произносил оратор. Говоря о неудаче революции в Испании, Бакунин упрекает революционеров в том, что они слишком церемонились. «Что же надо было делать? – с недоумением спросил себя Мамонтов. – О каких бумагах он говорит? Бумаги надо было сжечь? Зачем жечь бумаги? Верно, я не так понял...» (4, 451). Но «не так» понимает и испанец, пытающийся доказать что-то Бакунину. «Не понимаем, не понимаем» (4, 451) – так реагирует остальная аудитория, якобы на испанский язык.

Бакунин, безусловно, завоевывает симпатии людей, но прежде всего своим напором, страстными интонациями, оглушительными лозунгами. Его громкие речи приветствуются громкими аплодисментами. Но произносимые им горячие слова зачастую были намеренно темпераментными, театральными. Мамонтов задается вопросом, не игра ли это? Может быть это говорит не Бакунин, «а какой-нибудь другой революционер?» (4, 452). При этом, отмечает автор, публичные выступления Бакунина, хорошо знавшего народные тяготы, были рассчитаны на ответный взрыв, неподчинение властям и содержали в себе грозные, жестокие воззвания: «Мы, сторонники великой соци-

альной революции, мы тоже хотим свободы, равенства и братства... И для этого мы не остановимся ни перед чем! Сейчас перед нами великая задача разрушения! Многие погибнет!.. Много крови будет пролито!» (4, 453).

Собеседник Бакунина Мамонтов (как и автор) не разделяет такие призывы: «Я думаю, что тех же целей можно достигнуть мирно» (4, 474). Алданов отдает Бакунину дань справедливого уважения и даже восхищения, называя его «необыкновенным, необыкновенным человеком» (4, 478), титаном. И в то же время, размышляя, есть ли что-то новое, рациональное в его мировоззрении, с сожалением это отвергает: «Решительно ничего» (4, 478). Бакунин, упорно защищая свои убеждения, не предлагает фактически ничего, упрямо отстаивая свою идею тотального разрушения.

Такое восприятие Алдановым лидера анархистов 1870-х гг. было узнаваемым, не шедшим вразрез с исторической памятью о нем. И Р. Гуль, одним из первых обратившийся к характеру Бакунина, представляет его в подобном концептуальном ключе. Но в его писательскую задачу входило, кроме прочего, изобразить деятельного Бакунина, у которого от слов к делу был один шаг, т. е. показать его на баррикадах, в боях.

Вдохновленный сражениями в Берлине, восстанием в Вене, Германии, Италии, горя великими идеями о всемирной социальной революции, Бакунин нелегально появляется в Париже на третий день февральской республики.

Гуль показывает окружение главного героя, вводя в повествование известных революционеров, но кроме их исторических имен художественно эти персонажи обрисованы минимально. Однако на мнение этих деятелей опирается автор, чтобы оценить революционный пыл Бакунина. Для революционного префекта полиции Марка Коссидьера Бакунин – бестия, который для первого дня революции – клад, но на второй день его нужно расстрелять.

Публицист, философ Прудон жалеет, что был на баррикадах, участвовал в беспорядках, в то время как его друг Бакунин считает, что революция еще не началась, агитирует безработных. Это вызывает беспокойство революционеров, считавших, что «триста таких Бакуниных» (494) превратят Париж в Помпеи.

Определенную роль в характеристике и восприятии Бакунина Гуль отводит Герцену, к которому писатель испытывает уважение за его неизменную элегантность, хлебосольство, смелость воззрений, пронизательность. В его парижском салоне в интернациональном обществе немцев, поляков, итальянцев, румын, французов, венгров, сербов, русских Бакунин выделялся «бешеностью темперамента и невероятным количеством выпитого и съеденного» (496). У «партизана революции» неколебимое жгучее желание: «Выпустим русского красного петуха, пусть пропляшет мир под наше музыку» (501). Его идейная надежда покоится на убеждении, что Европа в агонии и именно «полудикие» славяне сыграют решительную роль в мире. Демократ Герцен сомневается, что в гибели Европы и заключается идейная задача

революций, это может закончиться «всеобщим варварством» (503). Соображения Герцена созвучны мыслям современников писателя, так расценивавшим политическую позицию современной им Советской России в Европе и мире.

Возникает образ Маркса, которого Бакунин не любил (как, очевидно, и автор), считая его тщеславным, мелочным, категоричным. Не одобряя готовящийся поход на Баден четырех тысяч немецких эмигрантов, называя это революционной авантюрой, предрекая верное поражение, гибель людей, говорил резко, безапелляционно, словно «за столом сидели школьники, а не революционеры» (499).

Бакунин, конечно же, поддерживает идею похода, считая, что баденская искра может зажечь всю Германию. В этом конфликте идейных позиций проявился авантюризм анархиста, уверенного, что «должны быть восстания, вспышки, кровавые бунты... пусть гибнут в них люди, но вспышки нужны, как пропаганда действием. Что такое будущее? Будущего нет. История импровизируется и редко повторяется» (504).

Сравнивая не только идеологические, но и нравственные принципы Бакунина и Маркса, Гуль не приемлет прежде всего их полководческие амбиции, того, что они относятся к людям, как к массе, указывая, каким путем им идти, за что сражаться и гибнуть.

Алданов в романе «Истоки» также изображает Маркса, уже немолодого, страдающего от болезней. Сосредоточивая внимание на нравственной стороне революционной теории Маркса и Энгельса, писатель неоднократно замечает, что широко известный в то время труд «Капитал» мало кто из апологетов рабочего движения читал, о самом Марксе пишет, что тот «не был знатком людей и не слишком людьми интересовался» (5, 389). В «служении... делу освобождения человечества было неискоренимое душевное противоречие» (5, 391), которое, по мысли Алданова, таким и было воспринято в XX в.

Одна из самых ярких глав романа «Скиф» – изображение пражского восстания. Накануне торжества религиозного Духова дня и волнений – атмосфера почти праздничная, смешение чужеземных лиц, славянские цвета на нарядах. Исчезли черно-желтые флаги Австрии. Съезд славян автор называет чудесным: ведь встретились со всего света братья. В центре событий – Бакунин; отставной прапорщик кипел в эти дни, принимая участие в выработке «Манифеста к европейским народам».

На собрании «Славянских друзей», где присутствовали чехи, поляки, словаки, лужичане, сербы, хорваты, черногорцы, Бакунин произносит программную речь: он предлагает себя в посредники между славянами и немцами, доказывает, что теперешняя Польша истощена, а вот с помощью Праги можно поднять всех славян, и – «Восстанием мы разгоним всех дворян, все враждебно настроенное духовенство, конфисковав без разбора все господские имения, отчасти разделив их между неимущими крестьянами... сжечь все административные, судебные, правительственные, господские бу-

маги и документы... наша революция должны быть победоносна, а потому ужасна, беспримерна... Мы пойдем на помощь мадьярам, полякам, мы движем беспощадную революцию в Россию. Наша обязанность будет громко провозгласить необходимость разрушения России как империи, как государства... все будет покорно одной (революционной) диктаторской власти» (517–518). Конечной целью революций, провозглашает он, будет Всеобщая Федерация Европейских Республик.

Нетрудно услышать за словами революционера XIX в. призывные речи, манифесты победивших революционеров XX в. Гуль указывает на аналогию анархических и коммунистических лозунгов, а также и на монархическую политику Николая I. Принципиальное сходство между ними – диктаторская власть, беспощадность.

Патетические воззвания Бакунина, отмечает автор, не могут скрыть противоречия в его представлениях и высказываниях. Немец, – а Бакунин в Праге уничижительно отзывается о немцах, – Мейсснер упрекает его в том, что еще недавно в Париже он называл чехов «выкидышами славянства» (514), а теперь находится в их рядах. «Дикая романтика», имея в виду идею объединения славян, по словам Мейсснера, не вяжется со взглядами Бакунина.

Еще один его тезис вызывает недоумение автора. Бакунин предлагает после победы разделить народные массы на два лагеря: одна часть будет вооружена, но плохо, для охраны нового порядка, другая – молодые работники фабрик, ремесленники, образованные мещане – составят регулярное войско. Формировать и управлять им будут старые польские офицеры, отставные австрийские солдаты, которых по заслугам будут возводить в офицеры.

Бакунин, «бурно подминая под себя всех», призывая «верить огням восстания» (519), распоряжается, как главнокомандующий, но в его представлении, достаточно одного призыва, крика в толпу, и она откликнется, взбунтуется. Автор с иронией замечает, что Бакунин охрип, «как долго лаявшая собака». Гуль описывает, как кардинально изменилась мирная, радостная атмосфера в Праге, когда воинственные толпы заполнили улицы города. Выросли баррикады, сплошные крики, бесчинства, была убита жена командующего императорско-королевскими войсками Виндишгреца.

Бакунин в штабе метался один, бешено кричал, отправлял студентов в села за крестьянами, на подмогу. Но из посланных никто не возвращался, а Виндишгрец обрушивается на Прагу снарядами. Бакунин уже понимает, что все скоро кончится.

Нужно сказать, что художественный уровень повествования обусловлен желанием автора сосредоточиться на участии Бакунина в революционных событиях. Изображения стран и городов мелькают, как в калейдоскопе. При этом сюжетно-композиционное движение подталкивается, фактически, только хроникальным временем, но не отражает причинно-следственных романтических связей. Так, из нескольких фраз становится известно, что Николай, при-

нимая донесения из мятежной Европы, решает двинуть войска, расценивая вспыхнувшие бунты как заговор против всего незыблемого, священного и, в особенности, против России.

Возникает описание Дрездена, и только теперь понятно, что восстание в Праге и Вене окончилось разгромом.

В романной микросреде, связанной с изображением Бакунина, появились новые лица – королевские музыканты Рекель и Вагнер, Гейбнер, один из руководителей немецкого восстания. Глазами жены Гейбнера дается описание Бакунина: «Громадный, в грязном порванном фраке, длинноволосый, саженный в плечах, с грудью, как наковальня... вот такими именно и представлялись ей эти отчаянные отвратительные революционеры» (582).

В дрезденских главах в характере Бакунина автор показывает не очень приятные качества, частые смены настроения – от умиления и восторгов до равнодушия, мрачности, проявлений беспощадности в высказываниях и принимаемых решениях, двойственность даже в эмоциях: он снова любит Германию, немцев. В беседах с Вагнером, музыку которого он называл «божественной», Бакунин утверждает, что современное искусство должно погибнуть, а если у человечества будущего будет потребность в искусстве, оно создаст новое. Гуль обращает внимание на его категоричность, глухоту к любым возражениям – тот же Вагнер говорит о преемственности и культурной традиции.

Разочарованный европейскими революциями, Бакунин укрепляется в мысли, что подтолкнуть европейское движение могут только славяне, в первую очередь русские. «В России... живет русский разбой... это настоящая подлинная революция» (540), настоящие русские революционеры – Степан Разин, Емельян Пугачев, разбойники.

Именно эта разбойничья стихия, вольница в крови, безоглядность проявляются у Бакунина во время немецких бунтов. Но, показывает автор, нет никаких романтических оправданий его бесчеловечным призывам. Бакунин предлагает использовать любые средства в борьбе: «Яд, нож, петлю» (541), – не обращать внимания на миллионы жертв, образовать ничего и никого не жалеющую грубую силу, безостановочно идущую по дороге разрушений.

Гуль описывает многочисленные бессмысленные с точки зрения здравого смысла революционные погромы. Сожжен Королевский театр, лучший театр Саксонии, погибли декорации, гардероб. Этого не одобряют и члены временного революционного правительства. Бакунин же возражает: «Если б понадобилось для спасения революции сжечь не только оперу, а пол-Дрездена, народ поджег бы пол-Дрездена» (569). Предлагает взорвать королевский дворец, а чтобы остановить конницу, вырубить уникальные деревья и завалить ими аллею, перед одной из баррикад выставить все картины галереи во главе с «Мадонной» Рафаэля и оповестить об этом военные регулярные силы.

Дрезденские волнения стали для Бакунина последними перед арестом. Защитники Фридриха-Августа знали, что у восставших командование в руках

беглого русского офицера и поляков, и именем королевского правительства он и был арестован.

Теперь писатель изображает Бакунина – преступника, русскую свинью, как его с презрением называют судьи и конвоиры в Германии и Австрии, арестанта, закованного в ручные и ножные кандалы

Сообщение о поимке Бакунина радует русского императора, который называет его мошенником, мерзавцем, но в то же время выказывает и какую-то даже гордость, что его прапорщик заворачивал всем Дрезденом, задал перцу пруссакам и немцам.

Гуль подробно описывает места и тяготы тюремного заключения Михаила Бакунина и его товарищей – Гейбнера, Рекеля, Мартина, Гейнце: Варшавская цитадель, Кенигштейн (Саксония), Прага, Ольмюц (под Краковом). В изображении героя преобладает сочувственная, позитивная интонация. На допросах Бакунин ведет себя достойно, не выдавая ни одного из своих бывших соратников, признавая только факты знакомства, выводя этим из себя членов суда, особенно королевского австрийского комиссара Швебе: «Никого из участников восстания он не допрашивал с таким омерзением, как этого русского» (595).

Наиболее благоприятные условия содержания арестантов были в Саксонии. У Бакунина была отдельная камера, хороший вид из окна, с него сняли кандалы. Он читает немецкого писателя и философа Виланда, занимается математикой, видит солнечный свет. В письме к другу Рейхелю так описывает свой тюремный быт: «У меня очень чистая, теплая, уютная комната. В 7 утра я встаю и пью кофе, потом сажусь за стол и до 12 занимаюсь математикой; в 12 мне приносят еду, в 2 за мной приходят на прогулку» (611). Но это только видимая, внешняя сторона существования узника. В том же письме он пишет, что внутренний мир его в смятении, ему не хватает действия, даже с жизнью он готов расстаться.

Гуль неоднократно прибегает в этой части повествования, характеризуя Бакунина, к письмам, запискам, протоколам его допросов. Как своеобразную исповедь героя можно расценить его беседу с адвокатом Отто, согласившимся защищать преступника по своей инициативе, что совершенно не понятно тюремному надзирателю, ведь против Бакунина выдвинуты обвинения Саксонией, Германией, за поимку его до ареста газеты объявляли награду в 10000 талеров.

Бакунин в этом разговоре, который записывал адвокат, раскрывает свои политические взгляды и морально-нравственные представления: «Я... русский и очень люблю свое отечество, но свободу люблю еще больше, а люблю свободу и ненавижу деспотизм, я ненавижу и наше русское правительство... эта ненависть к русскому деспотизму и борьба с ним послужила исходной точкой моей деятельности в Европе... после разразившихся революций в Париже, Вене, Берлине все ожидали общей войны освобожденной Европы про-

тив России... я тоже ожидал, но не против русского народа, который я люблю и которого я сын, а против правительства, сидящего на народе» (604)

Отвергая обвинение в намерении организовать убийство русского императора, заявляет, что он гнушается убийством, и революция ничего общего с убийствами не имеет, это «открытый бой». Эти слова Бакунина явно идут вразрез с его прежним заявлением о грубой революционной силе и о примирении с миллионом возможных жертв. В депеше к «горбоносому» вице-канцлеру графу Нессельроде императорский посланник при саксонском дворе фон Шрейдер, конечно же читавший признания преступника, отмечает «путаницу» в понятиях Бакунина и его «непреодолимую ненависть к русскому правительству» (610).

Гуль описывает жестокие подробности пребывания Бакунина в пражской и ольмюцкой тюрьмах, где он ожидал исполнения приговора – смерти через повешение по приговору королевского суда. «Неистовый демагог и разрушитель Михаил Бакунин» (615), по словам аудитора Иосифа Франца, сидел долго, без прогулок, зарос, ослаб. Предметные детали передают всю атмосферу тюремного существования. В крепости Ольмюц его приковали к стене в камере, где было сыро, просверлены четыре дыры вместо окон. «От прежнего Бакунина осталась тень» (619). Военным судом приговор был заменен на пожизненное заключение. Автор замечает, что, узник, переносивший все тяготы с терпением, достойным уважения, узнав об этом, впервые за все время заточения застонал.

О дальнейшей судьбе Бакунина становится известно из читаемого жандармским поручиком Распоповым предписания фельдмаршала Паскевича о передаче русскому правительству арестанта: везти в кандалах, усилить охрану, отравить, если будут попытки освобождения. Переодетый в арестантский халат с бубновым тузом, Бакунин понял, что перевезен в Россию. Но, замечает автор, Бакунин вдруг успокоился, подумалось, что легче, наверное, умереть не среди австрийцев, а у себя, «под русскими ветрами» (629).

Удовлетворенно-самодовольное состояние Николая, вызванное благополучным завершением беспорядков в Европе не без участия России и поимкой «негодяя» Бакунина, резко контрастирует с изображением безрадостного существования заключенного, помещенного в сырой, холодный каземат, в котором окошко забито на три четверти. По предписанию Николая Бакунина не допрашивали месяц, чтобы окончательно сломить его волю.

В жизни узника, душевно зыбкой, физически ужасной, в конце концов происходят перемены. Граф Орлов велит ему написать полную, откровенную исповедь Николаю о всех его преступлениях и помыслах против императора, «как духовный сын пишет духовному отцу» (632).

Боясь «упасть в подлеца» (633), Бакунин просит 24 часа на обдумывание и в конечном итоге соглашается.

«Ваше императорское величество! Всемилостивейший государь!» – так начинается эта исповедь Бакунина. В письме все обращения к Николаю написаны большими буквами, например Государь, Русский Царь, что, вероятно, должно свидетельствовать об уважении к адресату. В то же время эта графическая подробность имеет еще ряд функций. В первую очередь – это свидетельство психологического состояния арестанта, готовящегося к долгой и мучительной смерти в погибельном Алексеевском равелине и неожиданно получившего милостивую надежду. Кроме того, для Бакунина возможность письменно излагать свои взгляды, пусть даже в покаянном тоне, – это великое, свободное благо.

Это письмо Бакунина призвано играть роль документа в исторической хронике, освещающей русскую и европейскую историю конкретного периода. При этом, заметим, художественная функциональность его более сильная и выходит за рамки задачи укрепить фактическую сторону изложения.

Текст письма дается не сразу, автор как бы прослеживает сам процесс написания, останавливается, следя за «бородатым, разбитым, грустным» (636) Бакуниным. Описание далеко не бодрого психологического и физического состояния Бакунина как бы несколько оправдывает его смиренный настрой, но автор все же замечает и «женский почерк, не вязавшийся с мужественной рукой (636) могучего великана, и улучшенное питание, и разрешенные сигары. Комендант крепости Набоков, как хитрый бес, посмеивался про себя: «Многие милголубчики становились тут шелковыми» (636).

Бакунин выстраивает свои признания логически, показывая себя тонким психологом, привыкшим к письменной речи. Вины с себя он не снимает, напротив, особо подчеркивает, что участь свою он сам уготовил. Принудительный привоз его в Россию оставил, якобы, в его душе чувства неожиданно приятные. Ожидал всяческих жестокостей от царского правительства, а был тронут благородным, снисходительным отношением, спрашивая себя, не клеветал ли он?

Безусловно, и Бакунин лукавит, и знает, что и Николай это его лукавство распознает. Два месяца пребывания в сыром, темном равелине не могли стереть из памяти Бакунина ни тяжести ручных и ножных кандалов, ни сопровождающего, чистящего ружье и весело пояснявшего, что при первой попытке освобождения он застрелит арестанта, ни многое другое, такое же тяжелое и унижительное.

Самое главное для него в исповеди – это признать свою вину перед императором и перед российскими законами и просить самого жестокого наказания. При этом он не теряет себя, особо отмечая, что из всех испытаний он спас свои «честь и сознание». И нигде, ни в Австрии, ни в Саксонии, не был предателем.

Николай читает записки Бакунина в четыреста страниц с комментариями, как бы ведя диалог с ним. С чем-то соглашается, например с оценкой Европы – дряхлой, слабой, погрязшей в разврате. Но не верит до конца узнику, не

чувствует его истинного раскаяния. По-своему верно оценил, как выясняется впоследствии, позицию автора исповеди граф Орлов. Он сравнил показания Бакунина с показаниями Пестеля, имя которого Николай не мог слышать. То же, по мнению Орлова, самодовольное перечисление своих враждебных воззрений, тщеславное описание темных, преступных планов – и нет и тени «возврата к принципам верноподданного» (639).

Резолюция Николая вполне оправдала грустные ожидания Бакунина: «Он хороший малый, Орлов, но опасный, его надобно держать взаперти» (641).

Гуль замечает, что в каземате время для Бакунина остановилось, он существовал в «беззвучной тишине» (642). На пятом году заточения он сильно изменился: «обрюзлый, толстый, облысевший» (642), боявшийся сойти с ума. Знал Николай, что узники обычно кончают помешательством.

Знаменательно противительное «но», с которого начинается последующее повествование Гуль. «Но на шестом году заключения Бакунина Николай I потерпел тяжкое военное поражение в войне с Европой» (642) и в том же году умер. Автор пытается скрыть свое холодное отношение к Николаю, но описание неприглядного мертвого императора только обнажает это.

Для характеристики героя Гуль вновь вводит в повествовательный рисунок его письмо-исповедь уже новому императору, Александру II. И вновь – заглавные буквы при обращении к царю. На этот раз исповедь весьма короткая, «молящий преступник» (645), как себя называет Бакунин, оценивает свою жизнь как пустую, вредную, бесполезную. Восьмилетнее заключение в одиночной камере, пишет он, разрушило его и физически, и нравственно, и умственно. Уповает на жалость Александра к 44-летнему, но уже старику. Молит о милости – последний раз увидеть свою мать, поклониться могиле отца, увидеть синее небо, свежие луга. Александр разрешает на один день свозить Бакунина в родное Прямухино.

Он увиделся со своими сестрами, старой нянькой, но, как замечает автор, не вышло сердечного облегчения ни ему, ни им.

Новый император приказывает отправить арестанта в Омск, в Сибирь. Об этом этапе заключения Бакунина автор ничего не пишет. Почти телеграфным стилем сообщает лишь, что Бакунин бежал тридцать тысяч верст из России в Европу, сильно изменившуюся за одиннадцать лет, так же как он сам, «опухший, безобразный, похожий на лавину» (646). Встретил врага – уже известного во всем мире Карла Маркса, обнял Герцена, также всемирно известного публициста, и других немногих друзей.

И вновь, презрев свои исповедальные заявления и обещания (прав был граф Орлов), занялся революционной деятельностью: поднимал поляков против Александра II, в составе вооруженной экспедиции плывал к балтийским берегам, был руководителем «Альянса» – мирового общества заговорщиков, участвовал в восстании в Лионе, поднимал итальянцев. Но в старости, отмечает автор, стал груб, легко раздражался и как будто разочаровался

во всем. Больной, нищий шестидесятитрехлетний Бакунин умер в бесплатной Бернской больнице, на койке для чернорабочих.

Двадцать лет спустя Алданов в романе «Истоки» дополняет информацию о Бакунине, сибирском каторжанине. Причем это, якобы, автобиографические сведения. Бакунин с известной долей юмора рассказывает Мамонтову, как ему удалось бежать с каторги. Он обратился к омскому вице-губернатору: «Так, мол, и так, дайте, говорю, тысячу рублей займа... мне, видите ли, ваше превосходительство, бежать нужно отсюда, из ссылки, а на это требуются немалые деньги. И что ты думаешь? Дал! “Ежели, говорит, на побег, то я не могу отказать. Получите...”» (4,476).

Литературное воплощение характера Михаила Бакунина Р. Гулем и М. Алдановым имеет схожие и несходные стороны. Гуль прослеживает путь анархиста-борца в апогее его революционной славы. В писательский обзор входит изображение царской России и охваченной волнениями Европы. Гулю важно и интересно было проследить противодействие власти и революционных сил. Михаила Бакунина он показывает как своеобразный символ радикально настроенной оппозиции того времени. В характере героя автор обнажает противоречия – как идеологического, так и нравственного порядка, при этом подчеркивает его страстную натуру, стремление реализовать свои представления о свободе, убедить друзей-революционеров действовать пылко, бесстрашно, добиваясь своих целей. Сам он, избравший путь войны, лишенный родных и родины, вступает в схватку, фактически, с русским самодержавием, обретя непримиримого врага в лице императора Николая I.

В этом ракурсе писатель и вырисовывает жизнь и судьбу Бакунина-скифа. Вероятно, Гуль имел в виду также и Николая, т. е. его самодержавную политику, ее разрушительную мощь, силу, которую чувствовала на себе Европа, и не только революционная, но вполне мирная. «Скиф в Европе» – это, конечно, бунтарь Бакунин, никогда не забывавший, что он русский человек, – но и российский император, всячески укрепляющий свою диктаторскую власть в Европе. Безусловно, скрытая ассоциация распространяется и на современную автору советскую Россию, которая пыталась диктовать свою волю всему миру.

Писательская задача Алданова в романе «Истоки» – проследить параллели между ситуациями прошлого и настоящего, найти его истоки и предвидеть возможные варианты будущего. Верный своему принципу изображать «живую» историю, он создает ряд исторических портретов российских и зарубежных деятелей. И первым неслучайно становится Михаил Александрович Бакунин, «великан революции», но теперь уже пожилой человек, живший эмигрантом в Швейцарии. Он и тогда принадлежал истории, будучи старейшим лидером анархического движения. Писатель освещает его фигуру в идеологическом и нравственном ключе, выявляя его взгляды и представления. В принципиальном, концептуальном плане осмысления Бакунина Алданов солидарен с Гулем.

Примечания

[1] Здесь и далее романы трилогии цитируются по изд.: *Алданов М.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1991–1994. В скобках указываются номер тома и страница.

[2] Здесь и далее роман цитируется по изд.: *Гуль Р.* Скиф в Европе // Романовы. Династия в романах. Николай I. М., 1994. В скобках указаны страницы.

Сведения об авторе:
Татьяна Яковлевна Орлова,
канд. филол. наук
старший научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatiana Orlova,
Candidate of Philological Sciences
Senior Researcher
Philological Faculty
Moscow State Lomonosov University